

Глава 16

Вернувшись в свою лачугу на горе, Вэй Чэн первым делом положил свежее мясо в небольшой деревянный таз, чтобы вымочить его и выпустить кровь. Деревенские больше всего ценили жирную грудинку, где слои сала перемежались с постными прожилками, и он сам не был исключением. Однако юноша понимал: они с Горшочком слишком долго голодали, и если сейчас набросятся на такую жирную пищу, желудки могут не выдержать.

Поэтому он решил срезать постные части для жарки с капустой или для густой каши, а оставшееся сало вытопить, прижав к краям котла над сильным огнём. Получившийся смалец он планировал собрать и оставить на потом. Масло в городе стоило баснословно дорого, и в прошлый раз он даже не решился подойти к прилавку, чтобы узнать цену.

— Братик, смотри!

Горшочек уже успел развязать узел на кане. Внутри лежали две пары новых ватных туфель с многослойной подошвой — большая и маленькая, а также добротный ватный халат для Вэй Чэна. Стежки были ровными и частыми, а сама ткань на ощупь казалась мягкой и пышной. Одна мысль о такой обновке согревала душу.

Оставшиеся после кройки куски ткани матушка Доумяо тоже вернула, не оставив себе ни лоскутка. К ним она приложила моток ниток с иглами — видимо, рассудила, что мальчишкам придётся самим латать одежду, если та порвётся.

Пока юноша разглядывал подарки, Горшочек, не теряя времени, стянул старую обувь и, пытаясь от усердия, принялся натягивать новые туфельки.

Вэй Чэн не сдержал улыбки:

— Гляди-ка, уже совсем взрослый, сам обуваешься.

— Хе-хе!

Малыш ещё путал левую сторону с правой, но от похвалы брата старался ещё сильнее. Он с таким рвением потянул пятку, что не удержал равновесия и, словно круглый пухлый волчок, повалился назад прямо на кан.

Старший брат вовремя подхватил его, помог правильно надеть обувь и, вспомнив о недавнем походе в деревню, спросил:

— Сегодня, когда свиней резали, тебе страшно не было? Ночью-то в штаны не надуешь?

— Не-а, — Горшочек отважно вскинул голову. — Я не боюсь!

Он принялся размахивать ручонками, пытаясь показать размер добычи:

— Такая большая хрюшка была! И мяса много-много! Из него можно сделать пирожок... Один пирожок, два пирожка, три пирожка...

Малыш любил всё, чем его угощали, но больше всего его сердце принадлежало картофелю и тем единственным мясным баоцзы, которые он попробовал лишь однажды. Разве найдётся ребёнок, который не мечтал бы о мясе?

Вэй Чэн ласково потрепал его по макушке:

— Сейчас братик приготовит тебе кое-что вкусное.

Горшочек радостно закричал и принялся прыгать на кане в новых туфлях с удвоенной силой.

Этой ночью им предстояло снова идти в горы за золотышами, поэтому ужин должен был быть ранним и сытным. Пустой желудок — плохой помощник в борьбе с лютым морозом.

За годы жизни в семье Вэй, а затем и в доме Цинь, юноша не раз помогал взрослым у очага. Наблюдая за ними, он и сам научился нехитрым приёмам готовки. В бедных семьях не до изысков: была бы еда горячей да сытной, а остальное — неважно. Закипела вода — кидай овощи, не закипела — подбрось дров.

Решив, что для согрева лучше всего подойдёт густая каша с капустой и кусочками мяса, Вэй Чэн принялся за дело. Он ещё немного неуклюже нарезал постную свинину, а маленький кусочек сала бросил на дно раскалённого керамического котла. Глиняная посуда прогревалась медленно, требуя постоянного присмотра за огнём, и Горшочек тут же вызвался быть «маленьким истопником». Усевшись перед устьем печи и спрятав ладошки в рукава, он прилежно подкладывал щепки:

— Братик, ещё огня надо?

Вэй Чэн то и дело поглядывал на него, опасаясь, как бы брызги раскалённого жира не обожгли нежную кожу. Услышав весёлое шкворчание и шипение, он кивнул:

— Хватит, Горшочек, в самый раз.

Он ловко отправил в котёл вымоченное мясо. Свежая свинина готовилась быстро: стоило лишь несколько раз помешать её лопаткой, как алые кусочки побелели. Следом полетели промытые листья капусты. Несколько минут обжарки, и вот уже в котелок залита вода и засыпан рис. Оставалось лишь добавить щепотку соли и ждать, когда каша упрет.

Как только вода закипела, по лачуге разлился дивный, дурмящий аромат наваристого бульона.

Горшочек замер, глядя на брата и смешно шевеля носом:

— Братик, как пахнет вкусно!

— Это всё потому, что наш Горшочек так старательно за огнём следил. Без тебя бы так не вышло, — Вэй Чэн нежно стёр сажное пятнышко со щеки малыша.

Глаза Горшочка засияли от гордости, он довольно прижал ладошки к груди:

— Братик тоже молодец! Мы оба... оба молодцы!

Через час ужин был готов. Мальчишки, обжигаясь, съели по большой миске. Горшочек ел с таким упоением, что едва ли не зарывался носом в плошку.

Вэй Чэн чувствовал, как приятное тепло разливается по телу, а вид сытого и довольного брата согревал его сердце куда сильнее любой похлёбки. Он никогда не думал, что задержится в семье Вэй навсегда, но и представить не мог, что так скоро обретёт собственный кров, горячую еду и это маленькое, бесконечно дорогое существо рядом. Казалось, с появлением Горшочка сама судьба стала к нему благосклоннее.

Когда сумерки окончательно сгустились, мальчики оделись потеплее, взяли снаряжение и, зажгя факелы, отправились в путь.

Знакомая тропа вела их к реке. К тому времени, как небо стало иссиня-чёрным, они без помех добрались до нужного места. За прошедшие дни лёд на реке сильно окреп, и пробить его старым способом было бы трудно — проще было вырубить новую прорубь.

Вэй Чэн обошёл берег, выбирая место, и вдруг заметил, что Горшочек замер, глядя на заснеженные кусты у кромки леса.

— Горшочек, иди сюда! — негромко позвал он.

Малыш послушно подбежал к нему. Вэй Чэн поправил ему воротник — на морозе дыхание вырывалось густыми облачками пара.

— Будь умницей, не отходи от меня.

Горшочек кивнул, но продолжал с любопытством оглядываться по сторонам, будто почуяв что-то необычное.

Вэй Чэн воткнул факел в снег рядом с ним и сунул малышу в рот кусочек сушёного абрикоса:

— Сиди здесь, прямо перед моими глазами. Вот заработаем побольше серебра, и я буду каждый день покупать тебе такие сладости.

Горшочек, у которого за щекой вздулся бугорок от цуката, довольно пропыхтел:

— Ладно.

Медлить было нельзя. Юноша взялся за кайло и топор. Несмотря на юный возраст, он был рослым, а сытная еда последних дней прибавила ему сил. К тому же память о встрече с волками всё ещё была свежа, и он работал с отчаянным усердием, вкладывая в каждый удар всю свою мощь. Прошло больше часа, прежде чем на толстом льду появились первые трещины. Пот под ватником то закипал, то леденел, но Вэй Чэн не останавливался, пока в груди не разлилась тяжёлая, металлическая сладость от усталости.

Наконец, сделав последний замах, он остановился, тяжело дыша, и инстинктивно поискал глазами брата. Горшочка рядом не было. Оглянувшись, Вэй Чэн увидел, что малыш снова стоит у тех самых кустов.

Сердце юноши пропустило удар. В лесной тишине он не смел кричать, опасаясь привлечь хищников, поэтому, бросив инструмент, поспешил к брату. И тут он замер, увидев картину, которую не забудет до конца своих дней.

Горный ветер свистел, колыша пламя факела. В неверном, слабеющем свете Вэй Чэн разглядел два горящих зелёных глаза, немигающе смотрящих прямо на них.

Это был волк.

Холод пробежал по спине Вэй Чэна, добравшись до самого затылка. Он замер, боясь даже вздохнуть, и на несколько мгновений мысли его полностью помутились.

«Конец. То, что в прошлый раз волки их не тронули, было чистой случайностью. Теперь же нам не выжить. По крайней мере, перед смертью мы хоть раз поели мяса — и то не зря. Но Горшочек... он же совсем кроха»

Вэй Чэн взял себя в руки. Крепко сжав факел и стараясь унять дрожь в голосе, он прошептал:

— Горшочек... беги. Быстрее беги.

— Братик, — Горшочек обернулся и указал пальчиком на кусты. — Посмотри на его глазки. Почему они не такие, как у нас?

Вэй Чэн не сводил взгляда с хищника, стиснув зубы:

— Потому что... потому что это волк. Он пришёл, чтобы съесть нас.

Малыш замер, и в его глазах наконец отразился страх. Он крепко вцепился в руку брата:

— Не хочу... пусть не ест нас. Плохой волк, уходи!

Слова малыша ещё не затихли, как зелёные огни начали медленно приближаться.

Сердце юноши готово было выпрыгнуть из груди. Он уже собрался подхватить Горшочка и броситься наутёк, как вдруг услышал слабый, жалобный звук. Это не был рык — скорее тонкое поскуливание, похожее на плач котёнка или щенка.

Наконец волк вышел на свет.

Перед ними предстал старый волк — тощий, измождённый, с клочковатой серо-чёрной шерстью и поджатым хвостом. Один его клык был обломан наполовину, а в пасти он бережно держал крошечный чёрный комочек... волчонка?

Взгляд старого зверя был мутным, подёрнутым серой пеленой старости. Посмотрев на мальчиков, он внезапно разжал челюсти и опустил слабо шевелящегося детёныша прямо к ногам Горшочка.

Старый волк издал негромкий, протяжный вой — в нём слышалась не угроза, а мольба и бесконечная боль. Он в последний раз коснулся носом своего щенка, а затем, поджав хвост, скрылся в густых зарослях, навсегда исчезая в непроглядной лесной чаще.

— Братик, он плакал, да? — Горшочек присел на корточки, с любопытством разглядывая подарок.

Поистине, блаженны незнающие. Вэй Чэн ещё долго стоял как вкопанный, не в силах прийти в себя от пережитого ужаса. Горшочек же не чувствовал страха. Он был словно пришелец в этом мире: никто не рассказывал ему о свирепости диких зверей. Для него всё сущее было лишь поводом для искреннего, детского удивления.

Вэй Чэн разжал кулаки, чувствуя, как слабеют ноги. Собравшись с духом, он тоже опустился рядом с братом.

— Отец говорил, что волки живут стаями, совсем как люди. Но есть у них и отличие... Вожак никогда не бросит своих. Будь то неразумный щенок или старик — о каждом заботятся до последнего. Даже старого вожака стая оберегает до конца.

Горшочек слушал внимательно, хоть и не всё понимал. Он осторожно коснулся дрожащего тельца волчонка:

— Тогда почему тот волк ушёл? Почему бросил его?

— Может быть... их стая погибла? — предположил юноша. — И остались только этот старик да малютка...

Глаза Горшочка внезапно повлажнели:

— Совсем как я... когда остался один, пока ты меня не нашёл?

Вэй Чэн кивнул:

— Раз тот волк нас не тронул, значит, он не был плохим. И раз он отдал нам своё дитя, доверился людям... значит, сам он уже чуял близкую смерть.

— Мне его жалко, — Горшочек прижал дрожащего щенка к груди. — Братик, давай заберём его? Будем растить его, как ты растишь меня. Пожалуйста?

Вэй Чэн посмотрел на крошечного, тёмного зверька и, вздохнув, ответил:

— Ладно. Пусть будет так.

Глаза Горшочка радостно вспыхнули:

— Братик, ты самый лучший!

Вэй Чэн улыбнулся и погладил малыша по голове. Он не стал говорить, что, возможно, когда волк подрастёт, его придётся вернуть в горы. Волк — не собака и не кошка. Рано или поздно зов крови уведёт его обратно к скалам горы Маоси, где веками жили его предки.

Прорубь была готова, и уходить с пустыми руками было нельзя. Вэй Чэн быстро установил ловушки, тщательно замаскировал их и только после этого отправился домой, неся в коробе брата и нового лесного гостя.

Как раз пригодилась новая посуда: старую треснувшую миску, что осталась от прежних хозяев, решили отдать волчонку.

В котле ещё оставалось немного каши, и Вэй Чэн плеснул её в миску зверька. Волчонок, который в пути едва дышал, почував аромат еды, словно ожил. Он, пошатываясь на тонких лапках, ткнулся мордочкой в миску и принялся жадно лакать.

Горшочек, подперев щёки кулачками, сидел на корточках в углу и заворожённо наблюдал за трапезой. Вэй Чэн в это время мастерил из старой куртки и сухой травы уютное гнездо.

— Братик, братик! — Горшочек подбежал к нему. — А давай придумаем ему имя!

— Раз старый волк принёс его именно к твоим ногам, значит, он доверил его тебе. Вот ты и выбирай, — ответил юноша.

Мальш озадаченно нахмурился:

— Не придумывается...

Вэй Чэн усмехнулся:

— А ты выбери что-нибудь из того, что сам любишь есть.

— Но я много чего люблю... — Горшочек был в замешательстве. Ему нравилось всё вкусное, а имя у волчонка должно быть одно.

— Не спеши, утро вечера мудренее. Придумаешь ещё.

Вэй Чэн поставил готовую лежанку в угол и переложил туда наевшегося щенка, который тут же мирно уснул. Погасив огонь, мальчики улеглись отдыхать.

В темноте Горшочек, одетый в новую рубашку, прижался к брату и, как всегда перед сном, принялся о чём-то лепетать. Голос его становился всё тише, пока совсем не превратился в сонный шёпот:

— Братик... а ты тоже будешь таким... старым, как тот волк?

Старший брат ласково погладил его по спине:

— Наверное, буду. И волки стареют, и люди.

— Братик, — Горшочек потерся щекой о его плечо, и в голосе его послышались плаксивые нотки. — Когда ты станешь старым... не отдавай меня никому, ладно?

— Глупенький, — прошептал Вэй Чэн. — Мы оба станем старыми вместе. Как же я смогу тебя отдать?

Горшочек больше не отвечал — он уже крепко спал, мерно посапывая.

А вот к Вэй Чэну сон не шёл. Тело ныло от усталости, плечи горели, а в голове роились тревожные мысли. Он вспоминал встречу с волком и думал о том, принесёт ли улов долгожданные деньги. А если нет? Стоит ли продолжать? Лес становился всё опаснее. Но и бросить охоту нельзя — как иначе прокормить себя и брата долгой зимой? Похоже, пришло время обзавестись надёжным оружием. Он помнил, что у отца когда-то был тяжёлый лук, но тот пришлось заложить, когда батюшка тяжело заболел...

В полусне Вэй Чэну казалось, что он всё ещё рубит лёд на реке. И вдруг под его ногами проступила вода, лёд с треском разошёлся, и в самый миг падения он услышал плач:

«Братик! Братик!»

Вэй Чэн резко проснулся. На дворе уже вовсю светило солнце, а Горшочек, сидя в одной рубашке, горько плакал, размазывая слёзы по лицу.

Юноша вскочил:

— Горшочек, что случилось? Почему плачешь? Проголодался?

— Братик... — малыш бросился к нему в объятия, и его длинные густые ресницы намокли от слёз. — Горшочек... я...

В этот момент Вэй Чэн почувствовал, что его одежда намокла. Опустив взгляд, он увидел на тюфяке большое влажное пятно.

«Откуда здесь вода? Неужели крыша прохудилась?» — мелькнуло в голове.

— Братик, — провсхлипывал Горшочек, уткнувшись ему в плечо. — Не смотри туда... Это я... я надул.

Вэй Чэн едва сдержал смех, хотя в первый миг ему было не до веселья.

— Надул? Ну и ладно, велика беда! Сейчас вынесем одеяло на просушку, и всё будет хорошо.

Малыш, всё ещё всхлипывая, заглянул ему в глаза:

— Братик, а ты когда-нибудь... тоже так делал?

Вэй Чэн, честно говоря, не помнил такого за собой, но сейчас нужно было поддержать ребёнка.

— Конечно, делал! Все дети через это проходят, так они быстрее растут.

Горшочек вытер слёзы кулачком:

— И ты надул так же много, как я?

— Наверное, поменьше всё-таки, — Вэй Чэн чувствовал, как мокрая ткань рубашки липнет к телу, и изо всех сил старался не расхохотаться. — Я уже и забыл, давно это было. Давай-ка переоденемся.

Он достал из узла свежую рубашку, сшитую матушкой Доумяо. Горшочек сегодня был на редкость послушным: и руки подавал, и ноги подставлял, не капризничая.

Из-за того, что легли они поздно, Вэй Чэн проспал даже вторых петухов. Теперь забирать ловушки придётся только завтра на рассвете. Если будет улов — сразу поедут в город продавать, а если нет — всё равно придётся съездить за вином для старосты. Денег у них оставалось ещё шестьсот монет.

Пока он приводил в порядок постель, Горшочек о чём-то шептался с волчонком, который всё ещё выглядел вялым. Вэй Чэн подошёл поближе и услышал, как малыш с оттенком важности в голосе наставляет зверя:

— Синьэр, слушай меня. Я сегодня в штаны надул, и братик сказал, что я теперь совсем большой.

Волчонок в ответ лишь тонко пискнул и попытался забраться к нему на руки.

— Синьэр, ну не лижись! Ой, не кусайся!

Не прошло и минуты, как «два брата» успели повздорить.

— Братик! — Горшочек бросил волчонка и вцепился в ногу Вэй Чэна. — Братик, Синьэр меня кусает!

Тут уж юноша не выдержал и расхохотался в голос:

— Синьэр? Ты назвал волчонка Абрикосом?

Горшочек почесал в затылке:

— Ты же сам сказал — называй тем, что любишь...

— И то правда, — Вэй Чэн улыбнулся. — Раз старый волк его тебе доверил, называй как хочешь.

Горшочек, всё ещё опасаясь, прятался за спиной брата:

— Он кусаться хочет!

— Глупенький, он не кусает, он ласкается. Хочет подружиться с тобой, ведь ты теперь для него тоже семья, как тот старый волк, — юноша ласково погладил Горшочка по голове.

Услышав это, малыш перестал бояться и вскоре снова затеял игру со щенком. Вэй Чэн, разводя огонь, с улыбкой поглядывал на них. Пожалуй, это даже хорошо, что у Горшочка появился друг.

Двадцать второго числа двенадцатого месяца, ещё затемно, они снова поднялись в горы. Дорога была уже привычной, и вскоре они добрались до своих ловушек.

На этот раз волчьих следов поблизости не было.

«Интересно. Может, те следы, что я видел раньше, принадлежали тому самому старому волку? Он долго наблюдал за нами, но не тронул... а потом и вовсе отдал нам своего щенка»

Отец в детстве рассказывал ему много историй о лесных зверях — о лисицах, что платят добром, и о соболях, указывающих путь. Поэтому случившееся уже не казалось юноше чем-то невероятным.

Отбросив лишние мысли, Вэй Чэн вместе с братом расчистил прорубь от снега и веток. Увидев торчащий из воды шест, он покрепче упёрся ногами в лёд.

Он рванул шест на себя — и тот не шелохнулся! Юноша уже знал: если снасть идёт легко, значит, пуста. А тут...

Не успел он и слова сказать, как Горшочек подбежал на помощь. Вдвоём они потянули изо всех сил, но деревянный шест словно врос в речное дно. Ловушка была неподъёмной!

Маленький Горшочек радостно закричал:

— Братик! Там, наверное, целая куча золотышей!

Вэй Чэн, не в силах скрыть волнения, кивнул:

— Отойди-ка, Горшочек, я сам попробую. Не ровён час — сорвётся, тебя зашибёт.

Он принял устойчивую позу, зажал шест под мышкой и, собрав всю волю в кулак, сделал резкий рывок. Послышался треск льда и плеск воды. С третьей попытки ловушка наконец поддалась и показалась на поверхности.

Вэй Чэн быстро развязал узлы. Вытащить наполненную вершу в одиночку он так и не смог — пришлось Горшочку снова помогать. Только общими усилиями они вытянули добычу на лёд.

Золотыши, погружённые в зимнюю спячку, были неподвижны. Сетка ловушки была буквально забита чёрными тельцами, которые ярко выделялись на фоне ослепительно белого снега.

Горшочек, чей нос и щёки покраснелись от мороза, так и запрыгал вокруг:

— Сколько их! Сколько!

Юноша, задыхаясь от восторга, обнял его:

— Горшочек... кажется, мы с тобой теперь и впрямь богачи!

В лесу долго оставаться было опасно, но Вэй Чэн не терял головы. Пересыпая лягушек в корзины, он тщательно их сортировал. Слишком мелких или самок с икрой они с Горшочком тут же отпускали обратно в воду — так учила их лекарь Чжун.

Две корзины были наполнены до краёв. В прошлый раз улов был в три раза меньше!

Домой возвращаться не стали. Пока не рассвело, мальчики дошли до соседней деревни Цзяншуй. В их родной деревне староста забрал единственную повозку для нужд семьи, но в Цзяншуй всегда находились те, кто возил овощи на рынок ни свет ни заря. Им повезло: воловья упряжь ещё не успела уехать.

В городе было ещё тихо, торговцы только расставляли лотки и раскладывали товар.

Короб Вэй Чэна был вместительным: обе корзины вошли в него идеально. Сверху и снизу он густо переложил их сухой травой, так что никто не мог догадаться о ценном грузе.

Ноша была непомерно тяжёлой. Ноги юноши подкашивались, плечи нещадно жгло от лямок — он чувствовал, что кожа там уже стёрта в кровь.

Горшочек тянул его за руку, прося отдохнуть, но старший брат не сдавался. На одном упрямстве он вёл малыша вперёд.

Когда они вошли в Зал Цзиминь, аптекарский ученик как раз выходил на крыльцо, позевывая. Увидев их, он так и замер. Глаза его радостно вспыхнули:

— Это вы! Снова... принесли?

Мальчишка чуть не запрыгал от восторга. Он поспешно заманил их внутри, попытался помочь Вэй Чэну снять короб и чуть не надорвался. Оглядевшись по сторонам, он с грохотом запер двери.

Затем бросился к занавесу, крича на бегу:

— Лекарь Чжун! Управляющая Чжун! Смотрите, кто пришёл!

Лекарь Чжун вышла к гостям с приветливой улыбкой, но, завидев две полные корзины, на мгновение лишилась дара речи:

— Твой отец... снова добыл столько золотышей? Ну и мастер! В эти дни столько людей в горы подалось — кому волки ноги переломали, а кто и вовсе не вернулся...

Вэй Чэн промолчал. Они дважды были в лесу и дважды встречали волков. И если это не было чудом, то он не знал, как ещё объяснить их спасение.

— Да, волки там лютуют, — коротко ответил он. — Взгляните сами на товар.

Ученик и хозяйка принялись за подсчёт. Оба они умели считать в уме, а мальчишка к тому же споро щёлкал костяшками абака. Вскоре он вскрикнул от изумления:

— Восемьдесят пять самок! По двести монет за каждую — это семнадцать лянов серебра!

— Сто пятьдесят один самец! По восемьдесят монет — итого двенадцать лянов и восемьдесят монет!

— Всего... двадцать девять лянов и восемьдесят монет!

Мальчишки проделали долгий путь, неся эту тяжесть, но они и представить не могли, что заработают почти тридцать лянов серебром! Тридцать лянов! Обычный крестьянин за всю свою жизнь мог не увидеть такой огромной суммы.

<http://bllate.org/book/15346/1372676>